

Содержание

От автора	7
Введение	9
Часть I. Бог, боги и мир	19
1. «Бог» — не имя собственное	22
Примечания.	54
2. Картины мира	57
Примечания.	95
Часть II. Бытие, сознание, блаженство	97
3. Бытие (Сат)	100
Примечания.	163
4. Сознание (Чит)	167
Примечания.	248
5. Блаженство (Ананда).	251
Примечания.	301
Часть III. Реальность Бога	303
6. Иллюзия и реальность	306
Библиографический постскрипtum	345
Указатель имен	356

От автора

Я очень благодарен своей жене Солвин и сыну Патрику за их терпение по отношению ко мне, к моей спорадической манере труда и капризно менявшемуся во время написания этой книги плану.

Я также должен поблагодарить моего дальновидного и долготерпеливого редактора в Yale University Press Дженнифер Бэнкс, которая выдержала гораздо большие задержки при сдаче рукописи в печать, чем был бы способен выдержать я, и сделала это столь виртуозно, что я и не пытался ей подражать.

Выражаю также огромную благодарность моему неутомимому агенту Джайлсу Андерсону.

И наконец, я должен искренне поблагодарить Роланда У.Харта за его дружбу, позволяющую мне учиться той мудрости, с которой он подходит к жизни, и за его готовность слушать меня во время наших многочисленных долгих лесных прогулок.

*Ричарду Шейкеру —
чье видение реальности часто
значительно отличается от моего —
в благодарность за сорок лет
драгоценной дружбы*

Введение

Эта книга либо крайне претенциозна, либо крайне непретенциозна. Думаю — скорее второе, но могу предположить, что кто-то воспримет ее иначе. Моей целью было просто предложить определение слова «Бог» или его эквивалентов в других языках и сделать это в довольно рабском послушании по отношению к классическим определениям божественного, находящимся в богословских и философских школах большей части главных религиозных традиций. Я желаю этого, поскольку пришел к выводу, что, хотя в последние годы было немало дебатов о вере в Бога (многие из них были вызывающими, многие — просто свирепыми), понятие «Бог», вокруг которого на этих дебатах раскручивалась, казалось, бесконечная аргументация спорщиков, все время так и оставалось странным образом не проясненным. Кроме того, чем больше внимания уделяется этим дебатам, тем очевиднее становится, что соперничающие партии зачастую говорят даже не об одном и том же — в такой мере, что я даже сказал бы, что в большинстве случаев ни у одной из них вообще речь не идет о Боге в каком-либо последовательном смысле. Поэтому для меня не очевидно, что их различия в самом деле ведут к какому-то значимому разногласию, так как действительно разногласия не могут возникнуть без какого-либо предварительного соглашения относительно состава основного предмета раздора. Возможно, это на самом деле не удивительно. Наиболее жестокие споры часто вызываются недоразумениями, а некоторые из самых ужасающих битв в истории произошли по ошибке. Но я вполне романтичен, чтобы предмет, достойный столь грубого обращения, считать достойным также и понимания.

Таким образом, эта книга будет прежде всего своего рода лексикографическим упражнением, а не апологетическим трудом, хотя это различие невозможно вполне соблюсти на протяжении всей книги. Честно говоря, моя главная цель — не в том, чтобы советовать атеистам, во что, на мой взгляд, им следовало бы верить; просто я хочу убедиться, что у них есть ясное понимание того, во что они, по их утверждениям, не верят. В этом смысле я надеюсь, что атеист подружелюбнее примет эту книгу как добрый подарок. Я даже не ставлю в центр внимания традиционные «доказательства» реальности Бога, упоминая их в той мере, в какой они способны объяснить, как слово «Бог» функционирует в интеллектуальных традициях развитых религий (под которыми я подразумеваю системы верований, включающие утонченные и самокритичные философские и созерцательные школы). Я коснусь существенной логики таких доказательств там, где это необходимо, но сверх необходимости не стану уделять внимание их более детальной аргументации. Есть множество текстов, в которых это уже делается (некоторые из них перечислены в конце книги), и нет особой нужды еще в одном. Точно так же моя книга не посвящена богословию или даже какой-то одной религии. Нынешняя мода на воинственный атеизм обычно предполагает своего рода галантно-экстравагантное разбрасывание отрицательных суждений более или менее в отношении всех религий сразу, при малой заинтересованности в точной цели; я не хотел бы в ответ быть менее щедрым.

Я знаю, конечно, что есть много людей, которые принципиально возражают против какого-либо «братания» между различными религиозными словарями — по нескольким причинам — из-за беспокойства по поводу чистоты веры, из-за боязни, что всякое признание общности с другими могло бы совратить души с «истинного пути», из-за интеллектуальных сомнений относительно противоположных притязаний, заявляемых разными традициями, из-за страха колониального закабаления «других», из-за твердой убежденности, что никакая религия не может быть истинной, если все прочие религии не

оказываются ложными, и т. д. — но все эти варианты оставляют меня совершенно равнодушным.

С одной стороны, все главные теистические традиции утверждают, что у человечества в целом в той или иной форме имеется знание о Боге и что полное неведение о Боге невозможно ни для какого народа (как, например, утверждает Павел в *Послании к Римлянам*). С другой стороны, настаивать на абсолютно нерушимых демаркациях между религиями на всех уровнях можно только по причине тягостной необоснованности изложений того, чему учит каждая традиция. Религии никогда не следует рассматривать так, как если бы каждая из них была лишь неким изолированным проектом, цель которого — дать один исчерпывающий ответ на один всеохватывающий вопрос. Само собой разумеется, что, как правило, не следует пытаться растворять несравнимые вероучения друг в друге, а тем более в какой-то расплывчатой, синкретической, доктринально пустой «духовности». Но также само собой разумеется, что великие религиозные традиции — явления сложные: иногда они выражают себя на языках мечты, на языках мифа и сакрального искусства, иногда — в торжественной многоречивости литургии и восхваления, иногда — в этических заповедях или советах мудрости, иногда — в жестких догмах, иногда — в педантично выверенных и строгих философских системах. Во всех этих способах выражения они, возможно, приближаются к какому-то измерению истины; однако им неизбежно приходится использовать множество символов, не объясняющих истину как таковую, а только указывающих в ее направлении. Возможно, одна религия более истинна, чем другая, или содержит последнюю истину, к которой все религии стремятся разными путями; но это все равно вряд ли сведет все остальные религии к одной только лжи. Более того, никто из тех, кто действительно не знаком с метафизическими и духовными утверждениями основных теистических конфессий, не может не заметить, что по целому ряду фундаментальных философских вопросов, и особенно по вопросу о том, как следует понимать божественную трансцендентность, зоны согласия довольно обширны.

Конечно, определение Бога, которое я предлагаю далее, — таково, что его можно найти (допуская ряд почти совершенно незначительных вариаций) в иудаизме, христианстве, исламе, ведантическом и бхактическом индуизме, сикхизме, различных позднеантичных языческих религиях, и т. д. (оно даже приложимо во многих отношениях к различным формулировкам Махаяны, например о Сознании Будды или о Природе Будды, или даже к самой ранней буддийской концепции Безусловного, или к некоторым аспектам Дао, хотя я не хочу расстраивать западных людей, принявших буддизм или философский даосизм, настаивая на этом пункте). Существует старое схоластическое различие между религиозными трактатами «de Deo uno» и «de Deo trino» — то есть между тем, что написано «о едином Боге», которого знают приверженцы разных религий и философий, и тем, что написано «о триедином Боге» христианской доктрины. Аналогичным образом я хочу провести различие, с одной стороны, между метафизическими или философскими описаниями Бога, а с другой — между догматическими или конфессиональными описаниями — и ограничиться первыми. Это может принести некоторым читателям разочарование, а иные могли бы предпочесть, чтобы я написал книгу, отмеченную или большей философской полнотой, или большим евангельским рвением. Но ясность — драгоценная вещь, насколько она может быть достигнута, хотя бы потому, что может избавить нас от ненужных скучных аргументов.

Не то чтобы ясность всегда приветствовалась — во всяком случае она приветствуется не всеми. В конце концов и соломенное чучело может оказаться очень полезной собственностью. Я понимаю, почему иной — наслаждающийся достатком, сонливо самодовольный, индифферентный по характеру — атеист счел бы для себя удобством, даже несколько роскошным, — воображать, что вера в Бога есть не более чем вера в какого-то волшебного невидимого друга, который живет за облаками или в каком-то призрачном космическом механизме, призванном объяснить пробелы в современных научных знаниях. Но мне также нравится думать, что по-настоящему

вдумчивый атеист (или атеистка) предпочел бы не одерживать всех своих риторических побед над детскими карикатурами. Полагаю, что успех книг «новых атеистов», которые суть не что иное, как тенденциозно-конвульсивные нападки на целые армии соломенных чучел, может вдруг оказаться провалом. Конечно, ни одна из этих книг не является впечатляющим или убедительным трактатом, и я сомневаюсь, что потомки будут особенно прислушиваться к любой из них после того, как первоначальные конвульсии их славы утихнут. Однако они определенно хорошо продаются. (Впрочем, я сомневаюсь, что этому факту следует придавать слишком большое значение.) Новые тексты атеистов — это манифесты, бодро-вульгарные и преднамеренно упрощенные, предназначенные для укрепления истинных неверующих в их неверии; их притягательность имеет широту, но, конечно, лишена глубины; видимо, они должны вызывать некое настроение и не поощрять глубокой рефлексии; и в конце концов они, вероятно, всего лишь мимолетная причуда книготорговцев, определенная для новой рыночной ниши. Более того, неудивительно, что новая атеистическая мода должна была возникнуть главным образом в англоязычных странах, где философская утонченность не является добродетелью, особо усердно культивируемой в школах или университетах. Единственное реальное значение этого движения состоит в том, что оно — симптом все увеличивающегося культурного забвения со стороны как верующих, так и неверующих. Ниже — время от времени — я, возможно, буду упоминать новые атеистические книги в качестве примеров своего рода путаницы, которых я хочу лишь коснуться, — и не думаю, что они заслуживают большего внимания. И я хотел бы обратиться к любому вдумчивому атеисту, который мог бы еще пройти этот путь вместе со мной и признать, что мои слова основательны и добросовестны. Человеческая тоска по Богу или по трансцендентному глубока — возможно, слишком глубока, чтобы ей можно было доверять, но и слишком глубока, чтобы относиться к ней как к первобытной глупости, — и в истории человечества она принесла много добра и много

зла. Она лежит в основании всей человеческой культуры. Все цивилизации к этому моменту развивались вокруг того или иного сакрального видения космоса, видения, обеспечивавшего духовную среду и дававшего жизненный импульс искусству, философии, праву, общественным институтам, культурным революциям и т. д. Будет ли существовать когда-нибудь такая реальность, как подлинно секулярная цивилизация — не просто секулярное общество, а самая настоящая цивилизация, всецело построенная на секулярных принципах, — это нам еще предстоит увидеть. Не вызывает сомнений, что на данный момент большая часть безусловно возвышенных достижений человеческого ума и воображения возникла в мирах, сформированных неким видением трансцендентной истины. Только бездумный человек может вообразить, будто все те, кто был ответствен за подобные достижения, патетически цеплялись за понимание трансцендентного, настолько же варварски нелепое, как и то, что обычно предполагается в расхожих текстах популярного атеизма. В самом деле нам следует отказаться от такого мнения и обсуждать проблему на взрослом уровне.

Наконец, всего лишь заранее защищаясь от возражений, которые я могу предвидеть, я бы хотел отметить несколько простых пунктов. Первый: каким бы идиосинкразическим* ни казался иногда мой метод, я постараюсь ограничиваться классическими определениями Бога, теми, за которыми устоялся авторитет благодаря их многовековому обдумыванию. Это важно подчеркнуть по нескольким причинам. Во-первых, я знаю по опыту, что кто бы ни начинал описывать Бога в непримиримо метафизических терминах в контексте текущих дебатов, — одним из поверхностных обвинений, как правило

---

* *Идиосинкразия* (от греч. *ἰδιος* — своеобразный, особый, необычайный и *σύνκρασις* — смешение) — болезненная реакция, возникающая у некоторых людей в ответ на определенные неспецифические (в отличие от аллергии) раздражители. В основе идиосинкразии лежит врожденная повышенная реактивность и чувствительность к определенным раздражителям (см.: *Википедия*). (Здесь и далее сноски автора даются арабскими цифрами — в конце глав, а сноски переводчика — по ходу текста — звездочками.)

бросаемых с атеистической галерки, будет состоять в том, что он прибегает к столь туманным абстракциям лишь потому, что религиозное мышление загнано в угол развитием наук, все более сокращающим отведенный Богу участок. Так вот, представление, будто всякое открытие эмпирической науки могло бы уменьшить этот «участок» или как-нибудь повлиять на логическое содержание понятий «Бог» или «творение», есть одно из вульгарных заблуждений, которое я хотел бы разоблачить далее. Но тем более важно то обстоятельство, что в языке, который я использую в своей книге, нет абсолютно ничего нового; это просто добросовестный компендиум первичных утверждений о природе Бога, сделанных в традициях, которые я упомянул ранее. Это самый строгий и всеобъемлющий набор утверждений о Боге, какой только можно сделать, а вовсе не какой-то хилый, бесцветный остаток более мощной флоры, присущей эпохам веры. В этом языке нет никакого отчаяния или неуверенности; он решительно и без колебаний описывает Бога как бесконечную полноту бытия, как всемогущего, вездесущего и всеведущего, от кого всё исходит и от кого все зависят в каждый миг своего существования, без кого вообще ничто не могло бы существовать.

Однако, даже когда столь многое определено, самый упрямый скептик не преминет возразить, что как бы там ни было, едва ли имеет значение то, что могут думать философы и богословы, потому что «обычные верующие» имеют об этих вещах лишь туманное представление, а «большинство людей» думает о Боге еще более примитивным образом. С одной стороны, это ничего не значащий аргумент. Для любого разделяемого людьми корпуса знаний, убеждений или верований всегда справедливо то, что принципы и логика всей «системы» полностью известны лишь немногим лицам, берущим на себя труд их исследовать. Например, у большинства людей, как правило, есть лишь смутное, метафорическое и в большой степени образно-наглядное представление о научных открытиях; они могут иметь немного знаний относительно физики частиц, палеонтологии, молекулярной биологии, но на самом деле ничего

из этого не понимают и даже о том немногом, что им известно, судят, полагаясь на авторитет других людей. Вряд ли, скажем, молодой человек, верящий в сотворенность Земли, приобрел бы интеллектуальную респектабельность, начни он отрицать эволюцию видов или колоссальную древность Земли, основываясь исключительно на грубых и расплывчатых популярных заблуждениях относительно всего этого, сидящих в головах у «большинства людей». И во многом то же самое верно для любой сферы мышления — философской, политической, экономической, эстетической, религиозной и какой угодно еще. Честный и благородный критик любой идеи всегда постарается вникнуть в наиболее строгие формулировки этой идеи, равно как и в наиболее убедительные аргументы в ее пользу, прежде чем ее отвергнет. Вместе с тем, однако, я должен отметить, что в этом случае жалоба скептика на самом деле вовсе не справедлива или, по крайней мере, не настолько справедлива, как он (или она) себе представляет. Разумеется, среднестатистический верующий скорее всего мало чего знает об истории метафизики или о технической глоссарии философии и едва ли сумел бы сформулировать суждения касательно логики божественной трансцендентности с натренированной легкостью какого-то угрюмого старого иезуита, подвизающегося на философском факультете где-нибудь в европейском католическом колледже, или какого-нибудь хилого с виду, но необыкновенно воодушевленного садху, читающего лекции своим ученикам на берегах Ганга в Бенаресе. Тем не менее, если спросить этого среднестатистического верующего, как он (или она) представляет себе Бога, то ответы часто будут в принципе совершенно соответствовать более замысловатым формулировкам метафизиков: например, что Бог есть Дух, бестелесный, не локализуемый как объект где-либо в пространстве, не подверженный ограничениям времени, не продукт космической природы, не просто какой-то ремесленник, который творит с помощью внешних по отношению к Нему материалов, не состоит из частей, но скорее пребывает во всем, являет себя нам в глубине нашего же существа... (и т.д.) Как практическая реаль-

ность Бог веры и Бог философов во многих важных аспектах распознается как один и тот же.

И последнее, что я хочу здесь отметить: предлагаемая книга — это в большой степени весьма личный подход к вопросу о Боге. Я не имею в виду, что он субъективен или конфессионален; скорее, я имею в виду, что он принимает структуру личного опыта — не моего, в частности, а любого человека — не только как подлинный способ приближения к тайне божественного, но и как веское доказательство реальности Бога. В каком-то смысле угол зрения, под которым я пишу, можно было бы назвать «платоническим». Я исхожу из убеждения, что многие из наиболее важных вещей, о которых мы знаем, суть вещи, о которых мы знаем прежде, чем сможем сказать о них; в самом деле, мы знаем о них — хотя и при очень небольшом количестве понятий, которые могли бы нам разъяснить их, — как дети, и воспринимаем их с величайшей непосредственностью, когда смотрим на них невинным взором. Но, поскольку их трудно выразить и поскольку они часто столь непосредственны для нас, что мы не в состоянии взглянуть на них со стороны, объективно, мы склонны от них избавляться по ходу взросления и заставляем себя забывать о них, пытаюсь заглушить голос познания, который звучит в нашем собственном опыте восприятия мира. Мудрость — это восстановление невинности в конце долгого жизненного опыта; это способность снова увидеть то, что большинство из нас разучились видеть, но теперь укрепленная способностью переводить что-то из этого видения в слова, пусть и не вполне адекватные. Существует, так сказать, некая точка, в которой разум и откровение совпадают. Я знаю, что, поставив проблему таким образом, рискую потерять интерес большого числа читателей — как рационалистов, так и фидеистов, как скептически настроенных, так и набожных, — но я надеюсь, что смысл этого предприятия прояснится в дальнейшем. Бог — это не только последняя реальность, которой ищут интеллект и воля, но и примордиальная реальность, в которую все мы всегда вовлечены, в каждый миг существования и сознания, вне которой у нас нет никакого опыта чего бы

то ни было. Или, говоря языком Августина, Бог есть не только *superior summo meo* — выше моих наивысочайших высот, — но также и *interior intimo meo* — глубже моих наиглубочайших глубин. Лишь когда мы осознаем, что означает такое притязание, мы поймем, что на самом деле означает слово «Бог» и резонно ли думать, что есть некая реальность, на которую это слово указывает и в которую нам следовало бы верить.

Часть I

**БОГ, БОГИ
И МИР**